

13 ОКТ 1981

ЗВЕЗДА
г. Пермь

Георгий БУРКОВ:

Думаю о Шукшине

Еще помнится та боль, которую испытали все мы, узнав о смерти Василия Макаровича Шукшина. Известие об этом пришло к нам в начале октября 1974 года. Быстро летит время. Оно умеет стирать остроту любых потерь. Но с Шукшиным происходит что-то другое. Кажется, только теперь мы начинаем его по-настоящему понимать, только теперь осознаем, какое место заняла его короткая творческая жизнь в советской литературе, в кино...

Так случилось, что наша беседа о В. Шукшине с известным актером кино Георгием Буковым должна была состояться ровно за час до воскресной демонстрации по телевидению кинофильма «Печки-лавочки». Фильм повторяли после долгого перерыва.

— Какое-то непонятное чувство испытываю я сейчас, — сказал Георгий Иванович. — И грусть, и радость. И не знаю, чего больше. Ведь это был любимый фильм Василия Макаровича. А еще именно с совместной работы над этой вещью пошла наша дружба. Я ведь тоже там играю — помните? «Конструктор» с авиа-железнодорожным профилем...

Шукшин был человеком несколько замкнутым. Позже я понял, что это шло не от мрачности характера, а от полной сосредоточенности на главном своем деле. Если хотите, суровость была и своеобразной защитной маской. Он не любил пустословия, не любил эдакого модного сейчас лазанья в чужую душу.

Хотя в кругу друзей Шукшин умел и повеселиться. Очень хорошо пел русские народные песни. Я убежден: у него был уникальный слух. То есть он вбирал в себя не только музыку народную, но и народное слово. Слышал его музыку. Он рассказывал мне, что, приезжая к матери в Сrostки, любил, как дорогую мелодию, слушать материньи разговоры.

Вы приглядитесь к его прозе. Читаешь и чувствуешь — интонация точная, единственная. Будто нотными знаками написано...

Что дала мне дружба с Шукшиным? Впервые открыл я, что такое масштаб личности. Увидел воочию. Настоящий художник в России всегда становился духовным отцом своего поколения. Конечно, Шукшин не претендовал на это. Больше того, не подозревал, наверное, скрытую в себе силу. Но мы-то чувствовали высокий накал его духовной жизни.

— Георгий Иванович, вспоминаю сейчас его рассказы, повести. Они смешные и одновременно грустные — как сама жизнь. Они просты с виду, но что-то прячется за строками, что-то очень важное для каждого из нас. Кажется, Шукшин открыл новую правду о нынешних людях...

— Учтите, я не литературовед, и если уж выскажу свое мнение, то оно будет именно моим, то есть субъективным. Да, несмотря на внешнюю простоту шукшинских вещей, в них скрыта глубокая правда о современном человеке. В ней много любви, но много и горечи. С одним только не хочется соглашаться, что она новая. Наоборот, мне кажется, что Шукшин более, чем кто-либо, связан с русской классикой, он продолжил ее правдоборческую традицию.

— Как работал Василий Макарович?

— Он много работал, совершенно не жалел себя. Посудите сами. В дни тяжелейших съемок кинофильма «Они сражались за Родину» Шукшин еще и написал «До третьих петухов», «И поутру они проснулись». И на съемочной площадке он трудился с полной самоотдачей. Вспомните его Лопахина. Кто еще мог так сыграть эти переходы от едкого подтрунивания до нежности, от ненависти к врагу до внезапной, забавной страсти к незнакомой колхознице?

Огромная жажда жизни, творчества чувствуется за всем этим. Но жил Шукшин, буквально сжигая себя. В последнюю ночь он проснулся часа в три, впервые пожаловался на боли в сердце. Как мог я успокоил его, пообещал наутро отобрать кофе и сигареты, с помощью которых он безжалостно отгонял усталость, сон. Пообещал, что не дам ему больше работать на износ. Не удалось осуществить...

— А ведь наряду с творчеством была еще забота о самообразовании?

— По инициативе Василия Макаровича мы каждый для себя составили целую программу самостоятельной учебы. На первом месте в ней стояла история России, труды Ключевского, Костомарова, Соловьева. Это было тем более необходимо, что Шукшин готовился писать исторический роман о русском расколе, ему хотелось слышать то время. Потом по программе шла литература, классика. Чехов был его ранним увлечением. Потом он горячо влюбился в Толстого. Пушкина знал наизусть. Не сразу, но верно в его крови назревал Достоевский, он шел к нему.

Шукшин был истинным интеллигентом — как по образованию, так и по гражданской своей сути. Мне очень дорого его высказывание о нравственных свойствах интеллигентного человека: «Это, — говорил он, — неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: «Что есть правда?» Гордость... И сострадание судьбе народа».

— Георгий Иванович, я хорошо понимаю, что привлекало Вас в Василии Макаровиче. Но, простите за нескромный вопрос, что он нашел в Вас, почему выделил среди других?

— Я рассказывал разные житейские байки, балагурил в перерывах между съемками. А он очень любил слушать, смеялся. В шутку называл меня — акын. Тебе, говорил, надо записывать свои байки, как рассказываешь, так и пиши. Так, с шутки началась наша дружба. Потом все пошло уже всерьез.

— В заключение, несколько слов о себе.

— Что сказать? Много работаю. Помню о Шукшине, думаю о нем, о себе. Помню и родную для меня Пермь, где начинал как актер, играл в драматическом театре. Сейчас репетирую во МХАТе роль генерала Панфилова в спектакле по пьесе А. Бека «Волоколамское шоссе». Снялся в главной роли в кинокартине со странным названием «Отставной козы барабанщик». В ближайшее время телевидение покажет новый четырехсерийный фильм (предварительно его назвали «Незримый бой»), где я исполняю роль следователя.

А еще много других замыслов, в том числе литературных. Но об этом как-нибудь потом. Мой привет пермякам!

Интервью вел
А. КАЛИХ.